

Carlos González

Bésame mucho

Cómo criar a tus hijos con amor

temas'de hoy

Карлос Гонсалес

Целуйте меня!

Как воспитывать детей с любовью

Электронное издание

Все интернет-ссылки на научные исследования работали в момент выхода книги на испанском языке

ISBN 978-5-905392-15-3

© Carlos González, 2003, 2009

© Ediciones Planeta Madrid, S. A., 2006, 2009

Оглавление

Благодарности

Глава 1. Рассказ о хорошем мальчике и рассказ о дурном мальчике

Уравниловка в воспитании

Последнее табу

Дорога к этичному родительству

Глава 2. Почему дети такие, какие они есть

Отбор естественный и отбор культурный

Как возвращают своих детенышей животные

Беспомощность или обучаемость?

Прятать, носить, водить за собой

На заре цивилизации

Почему дети не любят оставаться одни

Почему дети плачут, когда вы уходите

Реакции на разлучение

Он не хочет в детский сад

Почему он всегда хочет на ручки?

Почему дети не хотят спать одни?

Ночные странники

В давние времена

Одна планета — два мира

Почему она стала просыпаться чаще?

Практические аспекты совместного сна

Так в каком же возрасте они начинают спать самостоятельно?

Почему дети требуют нашего внимания?

Почему она до сих пор не ходит?

Почему он ревнует?

Эдипов комплекс

Когда же она станет самостоятельной?

Ваш ребенок — хороший

Ваш ребенок бескорыстен

Ваш ребенок щедр

Ваш ребенок уравновешен

Ваш ребенок великодушен

Ваш ребенок бесстрашен

Ваш ребенок дипломатичен

Ваш ребенок честен

Ваш ребенок общителен

Ваш ребенок отзывчив

Глава 3. Теории, с которыми я не согласен

Фашистские методы

Режим и порядок

Бихевиоризм и воспитание

Несколько мифов о сне

Сон всю ночь напролет

Опасности совместного сна

Совместный сон не вызывает бессонницы

Совместный сон не вызывает психологических проблем

Совместный сон не является причиной СВДС

Кормление по ночам

Что такое младенческая бессонница?

Как научить ребенка спать

Привычка, от которой трудно отказаться

Уходите, пока он не уснул

Дети, кровати и секс

Полезный плач

Семья, узкий круг общения

Девочка, которая не знала границ

Вседозволенность и боязнь свободы

Лучше защищать, чем исправлять

Вовремя данная затрещина

Специалист по битью детей

Награды и наказания

Надуманые проблемы

Если долго повторять, они сами в это поверят

Контроль над сфинктером

Когда и как отказываться от подгузников

Руками не трогать!

Тайм-аут

Раннее развитие

Общение с ребенком: качество важнее количества?

Эпилог. Самый счастливый день

Примечания

Благодарности

Автор хотел бы выразить свою благодарность за неоценимую помощь в написании этой книги Алисии Бэр-Фассарди, Элене Гарридо, Джоане Герреро, Росе Йове, Лурдес Мартинес, Марибель Матилла, Пилар Серрано, Монике Тесоне, Эулалии Торрас, Патрисии Траутман-Виллальба и Сильвии Вайнбух.

Рассказы матерей, приведенные в этой книге, взяты из писем автору, в основном пришедших в редакцию журнала *Ser Padres* («Родительство»), а также из интернет-форумов. Из соображений конфиденциальности все имена заменены на вымышленные.

Глава 1. Рассказ о хорошем мальчике и рассказ о дурном мальчике

Название этой главы я позаимствовал из произведений Марка Твена, но в отличие от него я хочу повести речь не о двух разных мальчиках, а о каждом ребенке вообще, о детях в целом. Можно ли поделить детей на хороших и плохих? «Дети бывают всякие», — подумаете вы. Все дети разные, и, наверное, как и взрослые, большинство из них — скорее хорошие.

И тем не менее, невзирая на личные качества каждого конкретного ребенка, многие из нас (родители, психологи, учителя, врачи, общество в целом) уже имеют предвзятое мнение о том, хорошие дети или плохие. Ангелочки они или хулиганы, плачут от боли или притворяются, честные или вруны, просят о помощи или просто манипулируют нами.

Это наше предвзятое отношение и определяет, считаем мы ребенка другом или недругом. Одни люди убеждены, что дети — нежные, утонченные, беспомощные, любящие и невинные создания, что наша забота и внимание нужны им для того, чтобы вырасти и стать замечательными взрослыми людьми. Другие считают детей эгоистичными, испорченными, злыми, жестокими и расчетливыми манипуляторами и полагают, что лишь заставляя ребенка с рождения подчиняться нашей воле, лишь с помощью жесткой дисциплины можно удержать его от греха и вырастить из него стоящего человека.

Веками два этих противоборствующих представления о детях владели умами людей. Оказывается, авторы книг о воспитании детей, педиатры, педагоги и философы примыкают к тому или иному лагерю не реже, чем дающие нам советы на ту же тему родственники и соседи. Типичные читатели подобных книг — молодые неопытные

родители (ко времени рождения второго ребенка они обычно уже перестают верить экспертам, да и читать становится некогда) — без труда находят образчики обоих представлений: книги о том, как с любовью заботиться о детях, и книги о том, как их дрессировать. Последних, к сожалению, больше, поэтому-то я и решил написать эту книгу — книгу в защиту детей.

Эксперты редко открыто говорят о том, какой именно позиции они придерживаются. А я считаю, что в аннотации к каждой книге должно быть черным по белому написано: «Автор считает, что дети нуждаются в нашем внимании», либо «Автор полагает, что любой ребенок при малейшей возможности усядется нам на шею». Точно так же должны на первом же приеме расставлять точки над *i* и детские врачи с психологами. Тогда родители смогут четко распознавать разные школы и выбирать книги и специалистов, чьи взгляды наиболее созвучны их собственным. Обращаться к педиатру, не выяснив, является ли он поборником любви или строгости, — все равно что обращаться к священнику, не выяснив, христианин он или буддист, или учить экономику по книге, не выяснив, коммунист ее автор по своим убеждениям или капиталист.

В конечном счете, все это предмет личных убеждений, а не науки. И хотя я в своей книге постараюсь подкреплять свои утверждения доказательствами, мы должны признаться самим себе, что взгляды на воспитание детей, подобно политическим или религиозным взглядам — вопрос скорее личных убеждений, чем рациональных доводов.

Многие эксперты, специалисты и родители на самом деле даже не знают о существовании двух этих диаметрально противоположных тенденций, и поэтому они никогда не задумывались, какого из них они придерживаются сами. Родители прочитывают множество книг, в которых содержатся совершенно различные, подчас противоречащие друг другу идеи, и пытаются верить всем

им одновременно и воплощать их на практике. Многие авторы заботливо экономят время своих читателей, предлагая им уже готовую гремучую смесь этих несовместимых подходов. В таких книгах учат, что ребенку очень полезно находиться на руках, но плачущих детей брать на руки ни за что нельзя, потому что они к этому привыкнут; что для ребенка нет питания лучше грудного молока, но только до тех пор, пока ему не исполнилось шесть месяцев; что жестокое обращение с детьми — это нарушение прав человека и бич нашего общества, но вовремя данная затрещина творит чудеса... Получается какая-то «свобода в жестко заданных рамках».

Классический образец подобного произведения — книга Педро де Алькантара Гарсиа 1909 года издания, в которой автор ссылается на философа Канта:

Постоянное жесткое обуздание способно навредить не меньше чрезмерного потакания. Как писал об этом Кант, «детям следует не отказывать, но направлять их желания так, чтобы они вынуждены были преодолевать препятствия. Родители часто совершают ошибку, во всем отказывая своим детям. Но это безумие — безо всякого основания отказывать детям, когда те ждут от нас проявлений родительской доброты. С другой стороны, исполнение любого желания портит ребенка; потакая им, можно предотвратить крик, но также и еще больше распалить оные желания». Стало быть, волю следует тренировать посредством упражнений и ограничений как позитивно, так и негативно¹.

В целом, звучит довольно разумно, и по отношению к ребенку вполне благожелательно (хотя сам термин «обуздание» в наше время звучит несколько непривычно, вы не находите? Обуздывать детей в наше время продолжают, но только называют это формированием, обучением, направлением по верному пути). Вопрос лишь

в том, что понимается под «чрезмерным потаканием». Все согласны с тем, что, хотя детям и нельзя произвольно что-либо запрещать, если ребенок хочет выпрыгнуть из окна, наш долг — остановить его.

Но почему, рассуждая о детях, мы всегда говорим о запретах? Взрослому (любому — отцу, брату, супруге, начальнику или подчиненному) мы бы тоже не дали выпрыгнуть из окна, и нам это кажется настолько само собой разумеющимся, что в разговоре о взрослом никому не приходит в голову об этом упоминать. Попробуйте-ка заменить в процитированном отрывке «ребенка» на «жену»: «В браке постоянное жесткое обуздание способно навредить не меньше чрезмерного потакания... Исполнение любого желания портит жену; потакая им, можно предотвратить крик, но также и еще больше распалить оные желания». В каких-то двух предложениях я лихо обозвал женщин испорченными, крикливыми и требующими от мужей потакать их непомерным желаниям. Возмутительно, да?

Однако мужья веками властвовали над своими женами согласно «естественному положению вещей», и писали о них ровно такие вот вещи — и никто не возмущался. А попробуй в наше время о них такое сказать! И тем не менее по отношению к детям все это по-прежнему считается допустимым.

Некоторые из вас могут решить, что я напрасно придираюсь, высасываю из пальца, вырываю из контекста слова педагога, который в действительности искренне уважал детей. Секундочку. Немного дальше он же пишет:

Дабы сдерживать детские порывы и не дать им сформироваться в привычку, необходимо бороться с их желаниями, противостоят их прихотям, не позволять им делать все что захотят или уделять им, подобно многим родителям, слишком много внимания.

Тут ведь речь не о том, чтобы не дать ребенку поиграть с оружием, ударить другого ребенка или разбить вазу. Здесь говорится о том, что нужно не давать ему делать то, что он хочет, «просто потому что я так сказал», противостояния ради — и все это после того, как автор двумя страницами выше повторял за Кантом, что безо всякого основания отказывать детям, когда те ждут от нас проявлений родительской доброты, — безумие. Ни он, ни его читатели никакого противоречия в этом, по-видимому, не уловили.

Многим импонируют подобные путанные рассуждения, все эти «да, но...» и «нет, но...», потому что в современном обществе бытует представление о том, что крайности — это плохо и благоразумные люди должны придерживаться умеренных взглядов. Но это не всегда верно. Благоразумие зачастую требует выбирать одну из крайностей. В качестве примера приведу пару утверждений, с которыми, я уверен, большинство из вас согласится: полицейские никогда не должны пытаться подозреваемых; мужья никогда не должны бить жен. Может быть, я здесь впадаю в опасную крайность? «Никогда» — не слишком ли это безапелляционно, в чем-то даже фанатично? Может, следовало бы занять какую-то более умеренную, открытую для дискуссии, для понимания позицию? Ну, скажем, пытаться можно, но только чуть-чуть. Или — только убийц и террористов. Или — бить только неверных жен. Нет и нет. Однозначно. Отлично, стало быть, определились: руководствуясь той же самой логикой, я не могу признать «вовремя данную затрещину» ничем, кроме жестокого обращения с ребенком, и не могу найти ни единой причины, по которой днем быть внимательным к ребенку можно, а ночью — нельзя.

В своей книге я встаю на сторону детей, но это не значит, что я против родителей. В существовании подобного противопоставления виновата как раз теория «дурного мальчика». Те специалисты, что нападают на детей, по-видимому, считают, что этим они защищают родителей («жесткий распорядок дня — чтобы у вас было

свободное время, ограничения — чтобы ребенок не садился вам на шею, дисциплина — чтобы он вас уважал, приучение к самостоятельности — чтобы у вас была личная жизнь» и т. д.), но они ошибаются. Родители и дети — все на одной стороне. Тот, кто считает всех детей испорченными, в конечном счете нападает на самих же родителей: «вы его не контролируете, вы его избаловали, вы не поддерживаете в доме дисциплину, у вас нет силы воли».

Для родителей естественно считать, что их дети — хорошие, и относиться к ним с любовью. Как-то я пришел в клинику раньше обычного и стоял, разговаривая с медсестрой. Рядом женщина с двухмесячным ребенком в коляске ждала приема у одного моего коллеги. Ребенок начал плакать, и она стала успокаивать его, возя коляску туда-сюда. Ребенок плакал все сильнее и сильнее, и женщина все отчаяннее и отчаяннее пыталась его укачать. Когда дети изо всех сил плачут, минуты тянутся как часы. Я подумал: «Что она делает? Почему она не возьмет его на руки?» Я все ждал, ждал, но женщина по-прежнему ничего не предпринимала. Наконец, хоть я и не люблю давать непрошенные советы, я решил как можно деликатнее намекнуть:

— Надо же, как он недоволен! Наверное, хочет на ручки.

Женщина мигом схватила ребенка на руки (младенец тут же успокоился) и объяснила:

— Ну просто вы, педиатры, ведь сами говорите, что их вредно брать на руки...

Она не смела взять ребенка на руки, потому что рядом был педиатр! Тогда-то я понял, какой властью наделены врачи и через какие ежедневные стрессы и волнения приходится проходить матерям.

Я не раз слышал подобные объяснения и в менее напряженных ситуациях: «Да я бы взяла его на руки, но

ведь говорят, от этого у него выработается дурная привычка...» Любая мать инстинктивно стремится утешить свое плачущее дитя, и убедить ее не делать этого можно только силой или путем «промывки мозгов». И я еще ни разу не видел обратного: чтобы матери сами оставляли ребенка рыдать и брали на руки только из чувства долга («Да я бы дала ему поплакать, но ведь говорят, от этого может быть психологическая травма»).

Уравниловка в воспитании

Если есть на небе ангел, с грехами людскими записывающий в книгу их горести, он знает, сколь многочисленны и велики те, что пристекают из ложных убеждений, не по вине своей исповедуемых.

Джордж Элиот. «Сайлес Марнер»

Другая распространенная проблема заключается в том, что советы, которые дают эксперты и авторы книг, настолько расплывчаты, что их можно интерпретировать практически как угодно.

Я однажды прослушал небольшую лекцию, которую один психолог читал родителям. Я не понял ни слова из того, что он говорил. Более того, я подозреваю, что за те полчаса он по сути так ничего и не сказал. Но зато по окончании все ему аплодировали. Мне кажется, что многие эксперты в области образования, осознанно или нет, пользуются приемами составителей гороскопов: выдают бессмысленные общие утверждения, с которыми каждый может согласиться. Если, к примеру, я скажу, что Близнецы — нежные и верные друзья, хотя и не любят, когда другие пользуются их слабостями, многие Близнецы по гороскопу решат, что я в точности описал их характер. А если бы я сказал, что это Стрельцы — нежные и верные? Снова в точку. Естественно, такое описание на себя каждый примерить рад. Никто не захочет признаться, что он —

недружелюбный человек, на которого нельзя положиться, никто не хочет, чтобы кто-то пользовался его слабостями.

Точно так же кто не согласится со следующим утверждением: «Родители должны направлять потенциал своего ребенка в нужное русло, не подавляя при этом его творческой свободы»? Мама и папа шестилетних Марты и Генри с ним полностью согласны. Каждый день Марта уходит в школу в семь утра, а возвращается в шесть-семь вечера. Обедает она в школе и после уроков остается еще на внеклассные занятия языком, информатикой и танцами. Потом за ней заезжает няня и сидит с ней, пока папа с мамой не вернутся с работы. А папа Генри ушел с работы, чтобы сидеть с сыном. Генри обедает дома и два раза в неделю берет уроки игры на гитаре — не для того, чтобы скоротать время, пока родители на работе, а просто потому, что ему нравится гитара.

Родители обоих этих детей думают, что буквально следуют совету специалистов: изо всех сил стараются направить потенциал своего ребенка в нужное русло. Вот только они забеспокоились насчет «творческой свободы». Уж не подавляют ли они ее ненароком? Решено: папа Генри теперь будет играть с сыном не только в футбол, но и в баскетбол (ведь, может статься, неправильно заострять его внимание на каком-то одном виде спорта), а папа Марты запишет дочку на занятия фортепьяно два раза в неделю с семи до восьми вечера, чтобы она получила еще более всестороннее образование.

Как вы думаете, Марта и Генри получают одинаковое воспитание?

Экспертные суждения, подобные приведенному выше, подчас настолько расплывчаты, что их можно истолковать диаметрально противоположным образом. Если вам по душе «Родители должны направлять потенциал своего ребенка в нужное русло, не подавляя при этом его творческой свободы», то как вам тогда «Родители должны способствовать свободному раскрытию потенциала своего ребенка, но при этом должны удерживать его

неупорядоченные творческие порывы в определенных рамках»? Если поставить эти два утверждения рядом, становится очевидно, что они диаметрально противоположны, но если вы прочтаете в одной книге одно, а в другой, спустя пару месяцев, второе, разницу между ними вполне можно не заметить.

А как вам такое: «Эмоциональная связь между матерью и ребенком должна быть достаточно сильна, чтобы ребенок чувствовал себя в безопасности, но не должна перерасти в чрезмерную опеку, дабы не подавить развитие его личности»? Что все это значит? «Достаточно сильна» — это как? Как ее предлагается измерять? А развитие личности и впрямь можно подавить? Интересно как? По каким признакам можно определить, что развитие личности того или иного взрослого было подавлено еще в детстве? Изабель и Иоланда — молодые матери, и им от этого предостережения немного беспокожно. Десятимесячная дочка Изабель по девять часов в день проводит в детском садике. Забирает ее оттуда бабушка и сидит с ней с пяти до восьми вечера. Изабель боится, что свекровь балует ее девочку, что она ее испортит. Она подумывает о том, чтобы нанять няню — пока свекровь окончательно не задавила развитие личности ее малолетней дочери. У Иоланды десятимесячный сын; она ушла в отпуск, чтобы ухаживать за ним. Она кормит его грудью, и он спит в родительской постели. На прошлой неделе она ходила в парикмахерскую и задержалась дольше обычного, а когда вернулась, муж сказал, что ребенок очень сильно плакал. «Быть может, между нами нарушилась эмоциональная связь? — думает она. — Вдруг из-за этой разлуки он теперь больше не будет чувствовать себя в безопасности? Может, увидев очередь в парикмахерской, нужно было вернуться домой и сходить постричься в другой день?» Естественно, и Изабель, и Иоланда убеждены, что полностью согласны с упомянутым экспертом и следуют его совету. Ведь никто из них не

станет отрицать значимость сильной связи или опасность чрезмерной опеки.

С подобными общими утверждениями согласится любой — потому что любой может истолковать их так, что они будут согласовываться с его собственными представлениями о родительстве. Еще один пример предлагает нам книга Робера Ланжи «Как говорить детям “Нет”»² (название само по себе весьма красноречивое: оказывается, одна из главных проблем в жизни ребенка — то, что он недостаточно часто слышит «нет»). В ней он перечисляет «тринадцать признаков того, что вы стали рабом своего ребенка». Признаки довольно расплывчатые; вот, к примеру, первый:

Вы уже не можете отличить потребности ребенка от его прихотей.

Сколько людей — столько и мнений. Одни родители считают прихотью все, что ни попросит ребенок, за исключением одной только еды. Причем еда — это исключительно содержимое поставленной перед ним тарелки, а все, что сверх того, — от лукавого. И съесть ее нужно за жестко отведенное время и с соблюдением строгого столового этикета. Другие, полная их противоположность, считают, что подлинные потребности ребенка включают то, чтобы его весь день носили на руках, клали спать с собой в постель, обнимали и утешали, когда он плачет, разрешали есть, что хочет, и не есть, чего не хочет, покупали кучу разных красивых игрушек и даже разрешали какие-нибудь из них периодически ломать. И при этом и те и другие равно согласны с тем, что между прихотями и потребностями есть вполне очевидная разница и что они, конечно же, не позволят своему двухлетнему ребенку играть с газовой плитой.

Авторам подобных общих утверждений очень просто угодить всем читателям сразу. Я в своей книге, пусть и

рискуя вызвать недовольство некоторых из них, постараюсь говорить о вещах более конкретных.

Последнее табу

Чем объяснить, что детей любят, целуют, ласкают <...>?

Эразм Роттердамский. «Похвала глупости»

Современное общество выглядит весьма толерантным, поскольку многое, еще сто лет назад бывшее под запретом, теперь считается совершенно нормальным. Но между тем, присмотревшись повнимательнее, вы обнаружите, что многое, еще сто лет назад считавшееся нормальным, сейчас находится под запретом. Запретом настолько всеобъемлющим, что даже сам он кажется нам чем-то само собой разумеющимся, как казались само собой разумеющимися нашим прапрадедам запреты и табу их эпохи.

Многие из старых табу касались секса; многие из новых касаются отношений между матерями и детьми и, к несчастью, распространяются и на тех и на других. Например, понятие «дурные наклонности» мы используем совсем не так, как наши прапрадеды. Практически все, что считалось дурной наклонностью в их времена (тяга к алкоголю, табаку, азартным играм), теперь расценивается как болезнь (алкогольная, табачная, игорная зависимость), так что вместо грешников, поддающихся своим дурным наклонностям, теперь говорят только о несчастных жертвах зависимости. Мастурбация (дурная склонность, так беспокоившая докторов и педагогов) теперь считается частью нормы. Гомосексуализм — всего лишь одним из возможных образов жизни. Высказаться о любом элементе из этого списка как о дурной наклонности, с которой нужно бороться, равносильно оскорблению. В наше время дурными наклонностями называют лишь безобидные детские привычки: «У него дурная привычка грызть ногти», «Он завел себе дурную привычку плакать», «Если

будете все время брать ребенка на руки, у него выработается дурная привычка висеть у вас на шее», «Он завел себе дурную привычку все время просить грудь и отказывается от детского питания».

А если вы все еще тешите себя иллюзиями, что в нашем толерантном обществе нет табу, представьте, что вы — современная женщина, живете где-нибудь в Западной Европе и приходите к своему врачу с одним из нижеследующих откровений.

1. Доктор, у меня трехлетний ребенок, я хочу сделать анализ на ВИЧ, потому что летом занималась сексом с несколькими незнакомыми мужчинами.

2. Доктор, у меня трехлетний ребенок, и я выкуриваю по пачке сигарет в день.

3. Доктор, у меня трехлетний ребенок, я кормлю его грудью, и мы с мужем разрешаем ему спать в нашей постели.

Как вы думаете, какое из трех сообщений вызовет негодование вашего врача? В первом случае, любой западный доктор скажет: «Что ж, понимаю», — и не моргнув глазом выпишет направление на анализ; максимум — вежливо напомним о том, что в будущем лучше пользоваться презервативами. Точно так же во втором случае он, вероятно, объяснит, что курение вредно для здоровья (хотя, если он сам — курильщик, скорее всего ничего не скажет). Никто не накинется на вас с гневной отповедью: «Да как вы можете! Да какая же вы жена и мать!»

Что же в последнем случае? Могу поделиться историей из жизни. Когда штатный психолог, работающая в детском саду, узнала, что Марибель все еще кормит своего полуторагодовалого сына грудью, она немедленно вызвала ее к себе и сообщила, что если та не отлучит его от груди, ребенок вырастет гомосексуалистом. Не знаю даже, какому ее представлению тут больше поражаться — о грудном

вскармливания или о гомосексуализме. Поскольку Марибель упорствовала в своем «опасном» заблуждении, доктор стала звонить ей домой, дабы предупредить ее мужа о том, какой вред та причиняет их сыну.

Западное общество, столь толерантное в одних вопросах, в том, что касается детей и их матерей, ведет себя совершенно иначе. Современные табу можно разделить на три большие группы.

- Плач: запрещено обращать на плачущих детей внимание, брать их на руки и давать то, что они просят.
- Сон: запрещено разрешать детям спать на руках и во время кормления грудью, петь им колыбельные или укачивать и класть спать с собой в кровать.
- Грудное вскармливание: запрещено кормить ребенка где попало и когда попало и вообще запрещено кормить «уже слишком взрослого» ребенка.

Практически у всех этих табу есть одна общая черта: они запрещают физический контакт матери и ребенка. При этом активно поощряется все, что приводит к уменьшению этого контакта и увеличению дистанции между матерью и ребенком:

- Оставлять ребенка одного в своей комнате.
- Класть его в коляску или в какую-нибудь неудобную пластиковую люльку.
- Как можно раньше отдавать его в детский сад или оставлять с бабушкой — а еще лучше с няней (бабушки детей «портят»!).
- Как можно раньше начать отправлять его в летний лагерь на как можно более длительный срок.
- Как можно чаще находить «время для себя», гулять с мужем без детей, развлекаться «как пара».